

Если бы только я встретил на этом пути хоть одного безусловно злого человека.

Тимоти Гартон Эш.
«Досье»

1

Зовут меня Сирина Фрум (почти сирена). Примерно сорок лет назад я выполняла секретное задание британской контрразведки. Миссия провалилась. Через полтора года после поступления на службу меня раскололи, и я покрыла себя позором, попутно разрушив жизнь любовника, хотя в этом была и его вина.

Не стану долго рассказывать о годах детства и юности. Я — дочь англиканского епископа; мы с сестрой выросли в епископском доме близ большого собора, в очаровательном городке на востоке Англии. В доме царили радушие, чистота, порядок и книги. Отношения между моими родителями были вполне приятными, они любили меня, а я их. Я старше моей сестры Люси на полтора года, и хотя мы отчаянно ссорились в детстве, это не испортило наши отношения и, повзрослев, мы сблизились. Отцовская вера в Бога была тихой и разумной, не слишком нависала над нашей жизнью и позволила отцу беспрепятственно продвинуться в церковной иерархии, причем одним из преимуществ его сана стал наш уютный дом времен королевы Анны. Ок-

нами дом выходил в огороженный сад со старыми травяными бордюрами, которые всегда ценились знатоками растений. Короче говоря, жизнь устойчивая, достойная зависти, почти идиллическая. Мы выросли в затененном саду, со всеми удовольствиями и ограничениями, что такая жизнь налагает.

Шестидесятые годы разнообразили, но не нарушали порядок нашего существования. Я пропускала школу, только если болела. Уже вполне взрослой девушкой я познала проникшие через садовую изгородь улады — обжималась (как это тогда называли) с парнями, а также провела опыты с табаком, алкоголем, чуточку — с гашишем, познакомилась с рок-н-роллом, яркими красками и атмосферой всеобщего доброжелательства. В семнадцать мы все были мятежниками — робкими и восторженными, но не забывали об уроках — заучивали и изрыгали неправильные глаголы, уравнения, мотивы литературных персонажей. Нам нравилось думать, будто мы — дрянные девчонки, но, вообще-то говоря, мы были вполне приличными. Мятежный дух шестьдесят девятого пришелся нам по душе. Он был неотделим от ощущения, что вскоре все мы покинем отчий дом, чтобы разъехаться по колледжам. Итак, в первые восемнадцать лет жизни со мной не случилось ничего странного или страшного, и поэтому я их пропускаю.

Будь моя воля, я бы выбрала ленивый факультет английского языка и литературы в каком-нибудь провинциальном университете, далеко на севере или на западе Англии. Мне нравились романы. Чи-

тала я быстро — могла проглотить две-три книги за неделю — так что три года за чтением романов вполне соответствовало бы моему характеру. Но для того времени я была «чудом природы» — девушкой с математическими способностями. Математика не слишком меня увлекала, почти не доставляла мне удовольствия, но мне нравилось быть первой, причем без особого труда. Я знала ответы на задачки, даже не понимая, как я до них дошла. Тогда как мои одноклассники тужились и бились в расчетах, я достигала решения посредством нескольких плавных шагов, отчасти интуитивных. Мне было бы сложно указать на источник своего знания. Разумеется, экзамен по математике требовал от меня гораздо меньше усилий, чем экзамен по английской литературе. К тому же в выпускном классе я была капитаном школьной сборной по шахматам. Нужен определенный полет воображения, чтобы понять, с каким изумлением взирали в те годы на девицу, приехавшую в соседнюю школу и сбившую там с жердочки нахохлившегося шахматного чемпиона. Однако математика и шахматы, равно как и хоккей, плиссированные юбки и пение псалмов, относились, в моем восприятии, сугубо к школьным занятиям. Я предполагала, что, раз уж я собралась в университет, мне следует отставить все детские забавы. Однако в своих предположениях я не приняла в расчет собственную мать.

Она была воплощением (или пародией) жены викария, затем епископа: потрясающая память на имена и лица прихожан, на их сетования и жалобы,

манера неспешно, с достоинством прогуливаться по улице в развевающемся на ветру шарфике от «Эрмес», доброта и непреклонность в общении с прислугой и садовником. Безупречность и очарование по любым меркам, в любых обстоятельствах. Как ей удавалось разговаривать на равных с женщинами из городских кварталов — заядлыми курильщицами с напряженными лицами, — которые приезжали в действовавший при церкви клуб «Мать и дитя». Как убедительно она читала рождественскую сказку детям Барнардо¹, собравшимся на ковре у ее ног в нашей гостиной. С каким тактом и достоинством она встречала архиепископа Кентерберийского, приглашенного к нам в дом на чай с печеньем после освящения в соборе реставрированной крестильной чаши, как ухаживала за ним. Люси и меня отослали на время визита наверх. А еще — вот оно, подвижничество — совершенная преданность и служение делу моего отца. Она поощряла его, служила ему, облегчала его труд на каждом повороте жизненного пути. Забота ее обнимала все — штопаные носки и выглаженный стихарь в платяном шкафу, безукоризненно убранный кабинет и глубочайшее субботнее молчание, повисавшее в доме, когда отец писал проповедь. Взамен она требовала — это моя догадка, конечно, — только того, чтобы он любил ее или, по крайней мере, никогда не оставлял.

¹ Подразумеваются «Барнардовские приюты» — приюты для беспризорных и бездомных детей, названные в честь их основателя Томаса Барнардо.

Однако я долго не могла различить в характере матери камушка феминизма, скрывавшегося под ее вполне традиционной наружностью. Уверена, что мать ни разу не произнесла само это слово, но это не имеет значения. Ее категоричность меня пугала. Она говорила, что моя обязанность как женщины состоит в том, чтобы отправиться в Кембридж и поступить на факультет математики. Как женщины? В то время в нашей среде никто не говорил такими словами. Ни одна женщина не поступала так, «как следует женщине». Она говорила, что не позволит мне растратить свой талант. Мне предстояло проявить себя, стать необыкновенной. Сделать карьеру в инженерном деле или экономике. Весь мир у твоих ног — такие вот банальности. По отношению к моей сестре было несправедливо, что я была и умной, и красивой, тогда как она не блистала ни внешне, ни талантами. Несправедливость только усугубится, если я обману надежды матери и не стану ставить перед собой высокие цели. Логика высказываний от меня ускользала, но я предпочла промолчать. Мать сказала, что никогда не простит ни мне, ни себе, если я ограничусь английской словесностью и стану домохозяйкой, лишь на йоту более образованной, чем она сама. Мне грозила опасность *растратить свою жизнь*. Ее слова были равнозначны признанию. Тогда, в первый и последний раз в жизни, она выразила при мне, прямо или косвенно, разочарование своей участью.

Потом она подключила к делу отца — «епископа», как называли его мы с сестрой. Вернувшись

однажды днем из школы, я узнала от матери, что он ждет меня в кабинете.

В зеленом блейзере, вышитом геральдическим гербом и девизом *Nisi Dominus Vanum* («Если Господь не созиждет дома»), я уныло развалилась в клубном кожаном кресле, между тем как отец, возвышаясь над столом, перебирал бумаги, мурлыкал что-то себе под нос, вероятно, приводя в порядок мысли. Мне казалось, что он собирается пересказать мне притчу о талантах, но вместо этого отец перешел прямо к делу. Он навел справки. Кембриджский университет стремился показать, что «открывает двери в современный эгалитарный мир». Учитывая бремя тройного несчастья — превосходная школа, девушка, преимущественно «мужской предмет», — поступление было мне почти гарантировано. Если, однако же, я намеревалась поступать в Кембридж на английскую литературу (такого намерения у меня не было; епископ никогда не вдавался в подробности), мне придется гораздо труднее. Уже через неделю моя мать переговорила с директором школы. Подключились учителя-предметники, чьи аргументы повторяли или дополняли доводы родителей, и мне, конечно же, пришлось уступить.

Так мне пришлось отказаться от литературных штудий в университете Дарема или Аберистуита, где я наверняка была бы счастлива, ради Ньюнем-колледжа в Кембридже, где уже во время первого семинара, состоявшегося в Тринити-колледже, мне показали, какая я посредственность в матема-

тике. В осеннем триместре я впала в депрессию и разве что не бросила учебу. Неуклюжие парни, лишённые очарования и других человеческих качеств, таких как сострадание и порождающая грамматика¹, талантливые кузены кретинов, которых я громила на шахматной доске, нахально смеялись мне в глаза, пока я сражалась с понятиями, представлявшимися им совершенно очевидными.

— Ах, безмятежная мисс Фрум, — саркастично восклицал один профессор каждый вторник, когда поутру я входила в его класс. — Безмятежнейшая. О, синеглазая! Приди и просвети нас.

Моим преподавателям и однокашникам было совершенно ясно, что не успеваю я именно потому, что я — красивая девчонка в мини-юбке, с вьющимися светло-русыми волосами ниже лопаток. На самом же деле я не справлялась из-за того, что, подобно большинству людей, была не слишком сильна в математике, по крайней мере на требовавшемся уровне. Я попыталась перевестись на английскую или французскую филологию или даже на антропологию, но там меня никто не ждал. В те годы правила соблюдались неукоснительно. В итоге этой долгой печальной истории я выстояла и умудрилась получить диплом бакалавра с отличием третьей степени.

Теперь, после того как я скомкала в пару абзацев годы моего детства и ранней юности, мне надлежит

¹ В рамках подхода порождающей грамматики формируется система правил, при помощи которых можно определить, какая система слов оформляет грамматически неправильное предложение.

проделать то же с порой студенчества. Я никогда не каталась в плоскодонном ялике по реке Кем (с граммофоном или без), не ходила в «Футлайтс» — театры приводят меня в замешательство, — и меня не задерживала полиция во время беспорядков в Гарден-хаус. Однако я потеряла девственность уже в первом триместре (иногда мне кажется, что это произошло несколько раз, такими бессловесными и неуклюжими были от ту пору любовные утех), и теперь мне вспоминается приятная последовательность любовников — их было шесть, семь или восемь за девять триместров, в зависимости от применяемого определения любострастия. Я подружилась с несколькими девушками из Ньюнем-колледжа. Я играла в теннис и читала. Стараниями матушки я изучала вполне чуждый мне предмет, но оттого не перестала читать. Как и раньше, в школе, я не слишком увлекалась поэзией или пьесами, но романы доставляли мне, пожалуй, больше удовольствия, чем многим моим университетским товарищам-филологам, вынужденным корпеть над еженедельными сочинениями по «Мидлмарчу» или «Ярмарке тщеславия». Я проглатывала тома на лету, случалось, обсуждала их в дружеской беседе, если находился человек, способный вынести мои безыскусные суждения, затем спешила дальше. Чтение позволяло мне не думать о математике. Более (или менее?) того, чтение позволяло мне не думать.

Я уже говорила, что была скорой девушкой. «Как мы живем теперь» за четыре дня на кушетке! Я могла проглотить длиннющий абзац текста за один зрительный глоток. Мне требовалось лишь

размягчить мысли, сделать их мягкими, как воск, так, чтобы глаза просто снимали со страницы пленку впечатления. Быстрым, нетерпеливым движением руки я переворачивала страницу каждые несколько секунд, к раздражению окружающих. Мои потребности были незатейливы. Меня не слишком занимали темы, остроумные фразы или изящные описания погоды, ландшафта и интерьеров. Мне нужны были заслуживающие доверия персонажи, так чтобы я терялась в догадках относительно их дальнейшей судьбы. Обычно я предпочитала людей, которые влюблялись или расставались, но не слишком возражала, если они занимались чем-то еще. Как бы пошло это ни звучало, мне нравилось, если в конце книжки героине предлагали руку и сердце. Романы без женских персонажей выглядели безжизненной пустыней. Конрад выпадал из круга моих интересов, равно как большинство рассказов Киплинга и Хемингуэя. Не производила на меня впечатления и литературная репутация автора. Бульварное чтение, великие романы и книги, что посередке, — все стояли передо мной в одной шеренге.

Какой известный роман начинается со следующих слов: «В день ее приезда столбик термометра поднялся до девяноста градусов»? Разве не эффектно? Моих приятелей с филологического факультета бесконечно забавляло, когда я говорила им, что «Долина кукол» ничуть не хуже, чем любая вещь Джейн Остен. Они потешались и издевались надо мной месяцами. А сами не прочитали ни строчки из